

БЫЛ ЛИ ЕВАНГЕЛИСТ ЛУКА ХУДОЖНИКОМ?

Существует общеизвестное предание, в равной мере разделяемое православными и католиками, которое возводит древность изображения Богоматери ко времени ее жизни и связывает их начало с именем евангелиста Луки. Насколько это предание достоверно — конечно, вопрос, так как оно с самых древнейших времен оспаривалось и продолжает оспариваться, но будь его достоверность доказана, то оно положило бы конец всем спорам и заградило бы уста всех иконоборцев, ибо оно решало бы вопрос об иконопочитании исторически и давало бы людям не измышления фантазий, а до портретности точное изображение чтимого лица, ибо, как известно, неграмотные и невежественные иконописцы позволяли изображать “от своего замышления” Бога Отца, предвечное рождение Иисуса Христа, благовещение и пр., “в нелепых и неприличных, — как говорит Собор, — видениях”, приписывая Богу сложение перстов и “ина многая безместная”, чем оказывали плохую услугу защитникам иконопочитания и навлекали на себя справедливое осуждение как отдельных святых, так и целых соборов.

Так, наш русский Московский Собор 1666—1667 годов, заметив многие неправильности иконопочитания и осуждая их, говорит: “Господа Саваофа (сиречь Отца) брадою седа и едиnorodнаго Сына во чреве Его писати на иконах и голубь между ими зело нелепо и неприлично есть, зане кто виде Отца по божеству? Отец бо не имать плоти и Сын не во плоти родися от Отца прежде веков, аще Давид пророк глаголет: “из чрева прежде денницы родих тя”, обаче то рождение не плотское, но неизреченно и непостижимо есть. Глаголет бо и Сам Христос во святом Евангелии: “никто же весть Отца, токмо Сын”. И Исая пророк во главе 40 глаголет: “Кому уподобисте Господа? и коему подобию уподобите Его? Егда бо образ сотвори древодедел, или златарь сливав злато и позлати и, или подобием сотвори его”. Подобне и святой Павел апостол в Деянии глаголет во главе 17-й зачало 40-е: “род убо суще Божий, не должны есмы напщевати, подобно быти божеству злату, или серебру, и смышлению человека” (в русском переводе это место читается так: *“Итак, мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого”*, Деян. 17:29). Глаголет бо и Иоанн Дамаскинский: “к сим же невидимого и безтелеснаго и неописаннаго и необразнаго Бога кто может сотворити подражание? Пребезумия убо крайняго и нечестия образовати божество”. Подобне же возбраняет о сем и святой Григорий Двоеслов: “сего ради Саваофа, иже есть Божество, и тое прежде вечное рождение Единородного Сына от Отца, — умом точию подобает нам разумети, а писати в образах отнюдь не подобает и невозможно”.

“И Святой Дух, — продолжает Собор, — не есть существом голубь, но существом Бог есть, а Бога никто же виде, якоже Иоанн Богослов и евангелист свидетельствует. Обаче при Иордане при святом крещении Христове явися Святой Дух в виде голубине, и того ради на том месте точию подобает и писати Святаго Духа в виде голубином, а на ином месте имущий разум не изобразуют Святаго Духа в голубином виде”.

“Еще же пишут во иконах святому благовещению тоже Саваофа, иже от уст дышет и

то дыхание идет во чрево Пресвятыя Богородицы. И кто то виде? или кое святое писание о сем свидетельствует? и откуда сие взяша? Явственно есть яко, таков обычай, и на подобная от некоторых суемудрых или паче рещи бумудрых и безумных приятся и обыче. Сего ради повелеваем, отныне то суемудрие и безместное писание да престанет”. (Деян. Собора 1667 г., лист 22—24.)

Принимая во внимание все перечисленное, нельзя удивляться, что в древности в русской православной церкви существовало изображение святого Христофора с песьей головой. Святой Христофор, как говорят, был очень некрасивой наружности, почему писатель его жития, говоря о его внешности, употребил выражение “зверообразен быша”, а иконописец пошел еще дальше и приставил ему песью голову.

Мы должны радоваться, что благодаря иконоборческим спорам, соборному осуждению и распространению духовного просвещения все эти изображения “в нелепых и неприличных видениях” отошли в область преданий...

Но обратимся к нашему предмету. Зная о существовании предания о художественной деятельности евангелиста Луки, я удивлялся, что защитники иконопочитания всегда, подолгу останавливаясь в своих доказательствах на украшениях Иерусалимского Храма с его чеканными или литыми херувимами, львами и волами, совсем не обращаются к преданию об евангелисте Луке. По моему убеждению, свидетельство этого предания должно бы полагаться во главу угла, приводиться прежде всех других доказательств, так как оно одновременно доказывало бы существование иконопочитания еще в Апостольской церкви и давало бы, как я уже сказал о самом изображении, не плод фантазии “от своего замышления”, а действительное изображение, писанное с натуры. Конечно, все эти замалчивания я истолковывал не в пользу иконопочитателей и иконопочитания, а наоборот, ибо это меня убеждало, что доказательства в пользу художественной деятельности евангелиста Луки настолько слабы, что даже сами защитники не верят в возможность убедить с их помощью, кроме себя самих, никого другого.

Так продолжалось довольно долго, до тех пор, пока я совершенно случайно не попал на статью некоего Александра Голубцова “О древнейших изображениях Божией Матери”, помещенную им в “Богословском Вестнике” за 1897 год. Статья эта своим беспристрастным разбором свидетельств истории “за” и “против” произвела на меня самое приятное впечатление: я увидел в ней человека не усиливающегося во что бы то ни стало защищать свою точку зрения, а старающегося беспристрастным исследованием выяснить суть дела. Чтение этой статьи пролило на занимавший меня вопрос очень много света и дало мне возможность уяснить его и составить свои заключения.

Прежде всего я должен сказать, что автор статьи твердо верит в истинность данного предания, удачно опровергает неудачные возражения против оногo и добросовестно открывает все те затруднения, которые он встречается в этом вопросе сам. Он говорит:

“Первый, у кого находится указание на икону Богородицы кисти последнего (то есть евангелиста Луки), есть Феодор Чтец, историк времен Юстина и Юстиниана, сохранившийся в отрывках в некоторых древних рукописях, всего больше в церковной истории Никифора Каллиста. Он передает, что императрица Евдокия, вдова Феодосия Младшего, отправившись на поклонение в Палестину, прислала из Иерусалима в Константинополь сестре своей Пульхерии, жене императора Маркиана, образ Богоматери, писанный евангелистом Лукою. Говоря о событии кратко, без всяких пояснений и оговорок, историк как бы дает тем самым понять, что

он имеет в виду факт непререкаемый и всем известный. Однако же после Феодора Чтеца мы больше двух столетий не находим в письменных памятниках его подтверждения.

Зато от VIII века имеется несколько почти сходных между собою известий о занимающей нас иконе.

Св. Андрей Критский, скончавшийся мученически в 761 году, древним преданием доказывая употребление св. икон, между прочим ссылается на всеобщее свидетельство о том, что ап. Лука “собственноручно изобразил как самого воплотившегося Христа, так и Его непорочную Матерь” и что эти изображения, пользующиеся известностью в Риме, находятся в Иерусалиме. Неизвестный автор “Слова об иконах к Константину Копрониму”, пользуясь фактом написания св. Лукою изображения Богоматери в тех же апологетических целях, замечает об иконе, что она послана была евангелистом к некоему Феофилу.

В известном житии Стефана Новаго, пострадавшего за св. иконы в 757 году, рассказывается, что Константинопольский архиепископ Герман, увещевая Льва Исавра отказаться от мысли о преследовании иконопочитания, в подтверждение древности священных изображений, кроме статуи Спасителя, воздвигнутой кровоточивою женою и Эдесского Убруса, указывал также на образ Девы Богородицы, написанный евангелистом Лукою и потом отправленный куда-то из Иерусалима.

В “Послании к императору Феофилу о св. иконах”, относимом учеными к 845—846 году и приписываемом трем восточным патриархам, передается, что боговдохновенный Лука еще при жизни пресвятой Богородицы, в то время как Она обитала на Сионе, живописными составами начертил на доске Ее честный образ для последующих поколений и из уст самой Девы Марии услышал обещание, что благодать Ее пребудет с его иконою.

Симон Метафраст, большой любитель риторики, составивший 132 жизнеописания святых, в начале X века передает интересующее нас сказание уже в несколько распространенной редакции: “Всего отраднее то, — пишет он, — что евангелист Лука человеческий вид Христа моего и образ Той, Которая родила Его и дала Ему человеческое естество, первый изобразив воском и красками, передал, чтобы чтители их даже до сего времени, почитая недостаточным, если он не будет созерцать в изображениях и образах черты их лиц, что служит знаком его горячей любви. И это он сделал не для себя только, но и для всех верных любящих Христа”.

В знаменитом менологии императора Василия Болгаробойца (976—1025) кратко и ясно сказано, что евангелист Лука, родом Антиохиец, был по занятиям врач и живописец.

Феофан Керамевс, архиепископ Тавроменийский (1130—1150), в беседе на неделю Православия раскрывая на примерах ту мысль, что почитание икон искони и свыше установлено, прибавляет в заключении: “и Лука, красноречивый евангелист, воском и красками написал икону Богоматери, держащую Господа на святых своих руках, которая донныне сохраняется в некоем городе”, то есть в Константинополе.

Сравнительно более полные сведения по данному вопросу мы находим в первый раз в церковной истории Никифора Каллиста.

Отметивши, согласно с Васильевым менологием, что св. Лука был врачом и вместе весьма сведущим живописцем, последний пишет: “Передают, что он первый изобразил живописью образ Христа и боголепно Родившей Его, еще же и верховный апостол, и что от него это высокое и почтенное искусство распространилось потом

по всей вселенной”.

Не сообщая более никаких сведений об изображениях Спасителя и апостолов Петра и Павла кисти св. Луки, Никифор Каллист не оставляет нас в неведении на счет его икон Богоматери и дважды, хотя по одному и тому же поводу, упоминает об ее последующей судьбе.

Рассказывая о делах религиозного усердия императрицы Пульхерии, перечисляя храмы в честь Божией Матери, ею построенные, он говорит: “Второй храм Одигитриевский, где она поставила присланную из Антиохии икону Матери Слова, которую собственноручно при жизни Ее написал божественный апостол Лука. Она видела сей образ и сообщила благодать своему изображению. Икона эта сначала в месте, называемом Трибунал, творила чудеса, которые и до сих пор совершаются. Пульхерия установила, чтобы в этом храме в третий день седмицы совершалось бдение и молитвословие, что и до ныне наблюдается.

Не приводя здесь довольно многочисленных и разнообразных известий о чудотворной Одигитриевской иконе Богоматери из византийских и средневековых западных писателей, заметим только, что святыня эта, по согласному свидетельству всех их, пользовалась благоговейным почитанием всех византийцев, имела весьма важное значение в их политической истории и была хорошо известна по слухам и копиям с нее западным христианам. Предание о написании этой иконы самим евангелистом Лукою было общераспространено между византийцами, не возбуждало в них какого-либо недоверия к себе и, конечно, только в качестве несомненного факта религиозной жизни могло войти в греческий иконописный подлинник.

Позднейший составитель последнего, находившийся под сильным влиянием этого предания, давая наставление живописцам об изображении внешнего вида апостолов и евангелистов, о св. Луке кратко говорит: “Евангелист Лука не старый, кудрявый, с малою бородой, изображает икону Богородицы”. И действительно, на некоторых древних иконах и в миниатюрах рукописей мы видим его с иконописными принадлежностями, пишущим икону Богоматери или уже представляющим Ей свой оконченный труд. Чаще всего такого рода иллюстрации можно встретить в русских рукописях подле известных уже нам: “Повести о иконном изображении, како и когда зачась” и “Сказания о написании иконы Богоматери Одигитрии”, именно против следующих слов текста, не лишенных в настоящем случае интереса: “По воскресении и восшествии еже на небеса Господа нашего Иисуса Христа и по излитии Святого Духа, минувшим пятидесяти летом, славный апостол и евангелист Лука, ему же похвала в благовестии Христове, написа еже о Христе евангелие о рождьшей Того Приснодевей Марии, также и Деяния святых апостолов в книжицы. И паки той первый божественного изображения, еже живописати, самоблагоумне извык, написа на дсце начертание Пречистыя самыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, изящне видение Тоя изуподобив опасно... И приносит к первообразней госпоже и всех Царице. Она же, очи свои возложивши на ту икону и... возрадовавшись убо, глаголет к тому благоговейне вкупе же и со властью: “благодать Моя с тобою да будет”.

Принадлежности художнического звания стали как бы отличительным иконографическим признаком евангелиста Луки, а сам он с давнего времени считался в христианском мире покровителем иконописцев, под защиту которого в набожную средневековую эпоху возникали и существовали на Западе целые общества художников”.

(Голубцов, с. 38—43.)

Вот это всё, что мог привести в защиту предания православный писатель, и что может привести всякий другой защитник иконописного искусства Луки, так что всё вышесказанное здесь является основой и фундаментом данного предания, от прочности которого зависит всё.

Защищая это предание, Голубцов считается и с возражениями и — надо отдать ему должное, — опровергает их очень умело. Так, он говорит:

“Предание, имеющее за себя длинный ряд в существенном не разногласящих свидетелей, не должно бы вызывать сомнения относительно своей подлинности, а между тем многие из ученых, касавшихся рассматриваемого предания, не верили в его достоверность. Некоторые, впрочем весьма немногие из археологов, пытались даже объяснить происхождение этой, как они выражаются, легенды и подорвать силу говорящих в пользу ее свидетельств. Сказание о написании евангелистом Лукой иконы Богоматери, говорят они, не имеет под собою твердой опоры и есть не более как недоразумение, основанное на смешении двух совершенно различных имен. Мадонны, известные с именем Луки, на самом деле суть будто бы произведения флорентийского живописца XI века по имени Luca Santo. Написанные последним, они приписаны были потом евангелисту по забвению, вследствие тождества имени и под влиянием вполне понятного стремления связывать происхождение той или другой уважаемой святыни с именами более замечательных и известных церковных деятелей. Может быть такое объяснение и справедливо по отношению к некоторым из тех многочисленных Мадонн, которые выдаются за иконы евангелиста Луки в Италии и других местах Западной Европы, но в отношении к занимающему нас преданию оно есть, правда, остроумная, но произвольная и ничего не объясняющая догадка. Свидетельства о написании евангелистом Лукою иконы Божьей Матери на несколько столетий предупреждают собою флорентийского живописца, давая тем самым знать, что предание не при нем и не после него возникло, как бы следовало по рассматриваемой гипотезе, и существовало задолго до Luca Santo. Подобною же несостоятельностью отличается и большая часть возражений, которые придуманы и направлены отрицательной критикой против оснований, приводимых противоположною стороною в защиту подлинности предания об евангелисте Луке как иконописце”.

(Голубцов, с. 43—44.)

Не говоря пока ничего от себя и предоставляя по-прежнему говорить г-ну Голубцову, я привожу и то, что он мог от себя сказать против данного предания. Он говорит:

“Первоначальная судьба изображений Божьей Матери весьма слабо освещена в памятниках древней христианской письменности, несравненно меньше, чем художественная история образа Христова, и потому может быть прослежена на основании весьма небольшого числа литературных данных. Из трех первых веков христианства совсем не дошло до нас указаний, относящихся к иконографии Богоматери, а свидетельства IV—V веков и некоторые априорные соображения говорят, по-видимому, даже против существования в то время подлинных Ее изображений или признанных таковыми. “Мы не знаем лица Девы Марии, — писал блаженный Августин, — от которой безмужно и нетленно, чудесным образом родился Христос... Верим, что Господь Иисус Христос родился от Девы, имя которой Мария...”

Но такое ли лицо было у Марии, какое представляется в уме, когда мы говорим или вспоминаем об этом, мы совсем не знаем и не убеждены. Можно сказать, сохраняя веру, может быть Она имела такое лицо, может быть не такое”.

Мы не думаем, чтобы эти слова не имели никакого отношения к изображениям Божьей Матери и означало только то, что бл. Августин от себя и от лица своих современников хотел сказать: “Ни я, ни они не видали Богородицы, а потому и не знаем какова Она была лицом”. Если бы в церкви Иппонийской в то время, когда жил и управлял ею бл. Августин (ум. 430), существовали и были общеизвестны подлинные, верные до портретности изображения Богоматери, и церковь как таким придавала бы им веру, тогда бл. Августин не мог бы так решительно говорить о незнании им и его современниками лица Божьей Матери. Недостаточное знакомство первых прозелитов христианства с изобразительным искусством, уединение и замкнутость восточных женщин, появлявшихся не иначе как с покрывалом на лице, и наконец, особенная, необычная скромность Пресвятой Девы, избегавшей всякой показности: “Она слагает глаголы в сердце своем” (Лк. 2:19, 51), по-видимому также могут служить косвенным доказательством против появления портретных изображений Богоматери у первенствующих христиан”.

(Голубцов, с. 1, 2).

Не ограничиваясь высказанными соображениями общего свойства, честный и беспристрастный исследователь разбирает приведенные им свидетельства и высказывает личные затруднения в принятии на веру справедливости рассматриваемого предания. Опровергая мнение о написании иконы Богоматери флорентийским живописцем Luca Santo, он, между прочим, пишет:

“Не видим надобности приводить здесь всех этих возражений, частью опровергнутых новейшими открытиями в области древнехристианской катакомбной живописи, частью уже разобранных в отечественной археологической литературе, но нельзя пройти совершенным молчанием двух-трех серьезных недоумений, которые может возбудить и действительно возбуждало в душе беспристрастного исследователя данное предание.

Императрицы Евдокия и Пульхерия, которых называет Феодор Чтец, сообщая впервые об иконе Богоматери евангелиста Лука, — это две замечательные женские личности в культурной истории Византии пятого столетия. Первая — дочь философа, славилась своею любознательностью, классическим образованием и посвящала свои досуги на литературные труды, занимаясь комментариями на книгу Бытие и описывая в стихах подвиги мучеников; последняя отличалась набожностью, любовью к храмоздательству, и ее имя связано с несколькими монастырями, построенными в Константинополе и его окрестностях.

Церковный историк Созомен несколько глав своей четвертой книги посвящает похвале добродетелям Пульхерии и ее сестры, доброму учению, которое она внушала своему брату императору; ее стойкости в православии, препятствовавшей развитию новых, народившихся в V веке ересей; религиозной женской общине, учрежденной сестрами и подробно рассказывает об обретении мощей мучеников. Другой историк церкви, Сократ, в предпоследней главе своей истории упоминает о паломничестве императрицы Евдокии в Иерусалиме в 438 году и о тех многочисленных вкладыях, которые сделала она в разные церкви на Востоке. *Но замечательно, что ни тот, ни другой историк совсем не говорят о драгоценной посылке, отправленной императрицей из Иерусалима в Константинополь своей*

венценосной сестре. (Курсив везде мой. — Д. М.).

Еще более примечательным и мало понятным представляется в данном случае молчание VII-го Вселенского Собора, который в своих свидетельствах об иконопочитании *ни одним словом не упомянул об этом весьма важном обстоятельстве.* Видно, что Собор, весьма тщательно исследовавший и разыскивавший древние известия об иконах, в подтверждение православного учения, дважды в своих деяниях сославшись на историю Феодора Чтеца, или считал свидетельство последнего об иконе Богоматери евангелиста Луки слабым, *или вовсе не знал его.* Иначе икона, всеми чтимая, находящаяся в одном из известнейших константинопольских монастырей, собиравшая около себя толпы богомольцев, должна была бы послужить сильным доводом за иконопочитание. *Молчание отцов Собора об этой иконе даст основание сомневаться, чтобы в Константинополе в то время была икона, известная с именем евангелиста Луки, а потому для достоверности упоминания о ней Феодора Чтеца не достаёт твердой почвы.* Свидетельства об этой иконе появляются, и то независимо от Феодора Чтеца, в эпоху иконоборчества и у писателей менее компетентных, например, в анонимных посланиях об иконах в житии Стефана Новаго и других сочинениях.

Кроме этих хронологических, так сказать, затруднений, связанных с историей сказания об иконе Богоматери, писанной евангелистом Лукою, достоверность рассматриваемого предания заподозревается еще на основании некоторых исторических соображений. Художественная деятельность евангелиста Луки есть не более, говорят, как предположение, лишенное твердых оснований. Апостол Лука, как известно, был врач по своим занятиям и нигде — ни в Священном Писании, ни у писателей Церкви первых веков — не находится даже и намек на то, чтобы он был живописцем, или написал бы образ Пресвятой Девы. Притом же преданием он признается одним из семидесяти апостолов и, стало быть, евреем по происхождению. Но известно, что живопись, вместе с другими изобразительными искусствами, не знакома была иудеям в силу заповеди не делать *подобия, елика на небеси и на земли.*

Допустив, согласно с некоторыми древними учителями Церкви (Тертуллианом, Иеронимом, Августином) и новейшими исследователями Священного Писания, что евангелист Лука был родом из язычников, легко будет выйти из только что указанного затруднения и в значительной степени ослабить силу связанного с ним возражения. Гораздо труднее разрешить недоумения, вызываемые молчанием историков и отцов Никейского Собора о присланной с Востока драгоценной святыне”.

(Голубцов. с. 44—46).

Таковы в общем недоумения автора исследования подлинности рассматриваемого предания. Недоумения эти, конечно, не уменьшаются если принять во внимание, что икона, приписываемая евангелисту Луке, была одна, а между тем таковыми считаются в Греции: Влахернская, Милостивая на острове Кипре и Кикская; в России: Владимирская, Смоленская и Тихвинская; в Риме евангелисту Луке приписываются иконы в церквях: Марии Великой, свв. Доминика и Сикста; в Польше — Ченстоховская, а также и то, что из свидетельств Феодора Чтеца видно, что икона, писанная евангелистом Лукою около половины V века, была перенесена из Иерусалима в Константинополь и затем находилась в Одигитриевском монастыре. В XII веке, по словам Феофана Керамевса, она продолжала сохраняться в Константинополе, а между тем задолго до этого времени у нас на Руси уже известны

были иконы Богоматери евангелиста Луки, принесенные в XI—XII столетиях из Царьграда, а в католических странах (например в Риме) и ранее того показывались иконы, приписывавшиеся тому же самому евангелисту (см. Голубцов, с. 47).

Теперь, после всего того, что мог сказать по занимающему нас вопросу исследователь оногo, наступает моя очередь и я должен сказать мое слово.

Имея под руками свидетельство православного священника о. Иоанна Орфанитского против приписываемой евангелисту Луке иконы Тихвинской Божией Матери, который печатно заявляет, что “принадлежность сей иконы св. евангелисту Луке более чем сомнительна” и доказывает это свое мнение тем, что во-первых, неизвестно кто был писателем сей иконы; по более древнему сказанию она была написана св. Германом, патриархом Цареградским, и из Царьграда “пришла в Тихвин по воздуху” (Чет. Мин. 26 июня). “Да достаточно, — говорит он, — посмотреть только на самый размер иконы, чтобы видеть, что она написана для храма, а не для дома: для дома икон столь больших размеров не пишут и не писали; а во дни св. евангелиста Луки храмов еще не было” (“Друг Истины”, 1899 г., № 44, с. 858—859).

Но я не считаю этого факта особо важным и не опираюсь на него. Мало того, если бы я имел такие же отзывы и относительно всех приписываемых евангелисту Луке икон в России и за границей, я не стал бы дословно приводить их и ограничился бы лишь одними ссылками, так как я в данном случае не нахожу даже нужным касаться всех этих икон или хоть какой-нибудь из них и имею говорить лишь относительно содержания той иконы, которая некогда приписывалась св. Луке, не зависимо от ее размеров и не зависимо от того — существует ли она в данное время или не существует.

Я кратко и решительно заявляю, что икона, которая приписывается евангелисту Луке, ему не принадлежит и принадлежать не может, и вот почему.

1. Приведенное мною выше “Сказание о написании иконы Богоматери Одигитрии” говорит нам, что евангелист Лука “написа на дсце начертание пречистыя самыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии” и что он сделал это “*минушим пятинадесятым летом*” по излитии Святого Духа, то есть через 15 лет после вознесения Иисуса Христа.

Мы знаем, что Иисус Христос, начиная Свое служение, был лет тридцати (Лк. 3:23), не трудно также установить, что Он совершал Свое служение три с половиною года, и если сюда же приложить те 15 лет, которые прошли от вознесения Христа до того времени, когда евангелист Лука написал свою икону, то получится около 49 лет. Причем не надо упускать из вида, что счисление лет нами произведено от рождения Иисуса Христа, а икона была написана не с Христа, а с Его матери, которая в момент рождения Иисуса была в возрасте по меньшей мере от 19 до 20 лет, так что, сложив все эти цифры вместе, мы узнаем, что Богоматерь во время написания ее иконы имела от роду около 70 лет и была, следовательно, довольно пожилую. Обращаясь же к иконе, мы видим ее там совершенно молодою, в возрасте не более 20 лет, чего при писании иконы с натуры и притом человеком, который для сего “самоблагоумне извык”, быть никоим образом не могло.

2. На рассматриваемой нами иконе, по свидетельству Феофана Керамевса (которое приведено выше), Богоматерь была изображена “держашею Господа на святых своих руках”, так что отсюда невольно возникает вопрос: как мог евангелист Лука, писавший, как передают, с натуры, поместить Иисуса Христа в виде младенца на руках Его матери почти через 50 лет после Его рождения и через 15 после Его вознесения на Небо, когда Он, по несомненному и совокупному свидетельству других евангелистов, апостолов и того же самого Луки, сидел уже одесную престола

величия на высоте (Лк. 24:50, 52, Деян. 1:1, 9, 9)? — Лука этого сделать не мог.

3. На приписываемой евангелисту Луке иконе Богородицы Младенец Иисус изображен со сложенными (неизвестно — для крестного знамения или для благословения) перстами правой руки, вследствие чего эта икона считается, как известно, серьезным фактическим доказательством в спорах старообрядцев с православными.

Это обстоятельство в сильнейшей степени убеждает нас, что эта икона евангелисту Луке не принадлежит и приписываема ему никоим образом быть не может. Евангелист Лука описывает рождение Иисуса Христа и все события, предшествовавшие ему и последующие за ним — благовещение, принесение во Храм для обрезания и пр., сравнительно с другими евангелистами, более пространно и подробно, и однако нигде: ни при рождении Христа, ни в Его служении, ни при вознесении Его на небо, не упоминается ни прямо, ни косвенно о сложении перстов, а напротив, свидетельствует, что Христос, прощаясь с учениками и возносясь на небо, благословил их, “подняв Свои руки” (Лк. 24:50). Каковое благословение не было каким-то новым, православным, а было древним, израильским (Лев. 9:22). Что это благословение было так, а не иначе, то в этом сходятся беспристрастные исследователи Священного Писания всех церквей и исключение составляют лишь те немногие ремесленники религии, которым признание истинного положения дел в известном смысле не выгодно.

Известный и уважаемый святитель русской православной церкви св. Дмитрий Ростовский в своей книге “Розыск”, между прочим, пишет, что “Христос рукою никогда не крестился, и никому о сем заповеди не давал ни лично, ни через апостолов, и что Христос не слагал персты, и при вознесении благословил учеников целыми дланями. Слагать же персты вошло в обычай людям; обычай этот добр, обаче не догмат веры” (Часть II, лист 258, 259).

Таково мое мнение и таковы мои основания, и я не могу не сожалеть, что это предание и эта икона не были предметом суждений того русского Собора, выдержки из деяний которого я приводил в начале моего настоящего труда. Мне очень нравится его серьезное отношение к делу и его решительный тон. Он, если где видел что несоответствующее истине, то обязательно ставил вопросы: “Кто то виде?”, “Кое святое писание о сем свидетельствует?” и “Откуда сие взяша?”, и если не получал удовлетворительного ответа, то приписывал это суемудрию или бумудрию и решительно заявлял: “Ложно пишут иконописцы святых чудотворцев Петра, Алексия и Иону в белых клобуках, зане они клобуки белые не носиша, и ниже бысть еще в российских странах сей обычай” (Деян. соб. 1667, лист 24).

Оставляя в стороне икону, я считаю необходимым сказать в заключении несколько слов о самом предании, на которое я смотрю как на препроводительный документ, при котором препровождалась рассматриваемая нами и приписываемая евангелисту Луке икона.

Приводимые автором статьи и приведенные мною “Послание к императору Феофилу о святых иконах” и “Сказание о написании иконы Богородицы Одигитрии” согласно свидетельствуют, что когда Лука принес к “Первообразней и всех Царице” написанную им икону, то из уст ее услышал обещание, что “благодать ее пребудет с его иконою”.

Читая Священное Писание, я встречаю многочисленные свидетельства о благодати Божьей (Тит. 2:11), о благодати Иисуса Христа (2 Кор. 8:9) и о благодати Святого Духа (Евр. 10:29), но не находил ни одного свидетельства ни прямого, ни даже косвенного о “благодати Пресвятой Богородицы”. Если Архангел Гавриил и назвал ее в своем

приветствии “благодатною” (Лк. 1:28), то отнюдь не потому, что она имела собственную благодать и была благодатной сама по себе, а только потому, как он говорит ниже, что она “обрела благодать у Бога” (Лк. 1:30). А потому я допускаю, что она могла говорить только так, как говорил апостол Павел: “Благодать Божия, *которая со мною*” (1 Кор. 15:10), но не могу допустить, чтобы благословенная между женами и истинно “благодатная” мать моего Господа могла говорить о “своей” благодати. Это первое.

А во-вторых, в том и в другом из приводимых документов Мария называется “Приснодевой”, “Владычицей” и даже “всех Царицей”, как ее не называет никто из евангелистов и апостолов. Евангелисты одинаково называют ее Марией или “Матерью Иисуса”, как до рождения ею Иисуса Христа (Мф. 1:18, Лк. 1:27, 34), так и по рождении Его (Лк. 2:16, 19, Ин. 2:1, 3). Так же она названа стоящею при кресте уже в конце земной жизни Господа Иисуса (Ин. 19:25) и так, а не иначе, называет ее Лука уже после вознесения Иисуса Христа на небо (Деян. 1:14).

Таким образом, исследование препроводительного документа открывает его противоречия со свидетельствами Священного Писания и показывает всю его несостоятельность, и тем, как нельзя лучше объясняет причину молчания VII-го Вселенского Собора, который очевидно (как вполне основательно заключает г-н Голубцов) “вовсе не знал его”.

Журнал “Балтист”, № 3, 1909